

Оля Ватова Всё самое важное

В XX веке отделить личность рассказчика на второй план
невозможно, теперь мы знаем, что от того,
какова она, зависит, получатся ли описываемые
фигуры яркими или расплываются, как тени.

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

Оля Ватова

Все самое важное

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7007427
Все самое важное / Оля Ватова: АСТ : CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084390-9

Аннотация

Название воспоминаний Оли Ватовой – вдовы знаменитого польского писателя, поэта, переводчика, одного из создателей польского футуризма Александра Вата – это слова, с которых начинается книга: “Все самое важное в моей жизни связано с Александром”. Воспоминания Оли Ватовой – пронзительная трагическая история любви на фоне страшных, кровавых событий XX века. Польша 1930-х и встречи с Владимиром Маяковским, бегство в Львов, провокация и арест НКВД, война, ссылка в Казахстан, переезд в Алма-Ату, отказ от советского гражданства, пытки. Антисемитизм и жестокость одних и при этом неожиданная помощь и доброта других. Но главное – любовь. Даже тогда, когда кажется, что все потеряно, что спасения нет, именно любовь вселяет силу в Олю Ватову – женщину, которая смогла пересилить все и выстоять. “Все, что пришлось пережить, – это мой жизненный опыт. Только со временем понимаешь, насколько велико его значение”.

Мемуары Оли Ватовой издавались во всем мире, а в 1992 году в Польше был снят фильм “Все самое важное”.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Все самое важное	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Оля Ватова

Все самое важное

© Copyright by Paulina (Ola) Wat and Andrzej Wat, 1984
© Лиора Гиллон, перевод с польского, предисловие, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Анджею

Предисловие переводчика

Однажды, прилетев в Польшу, я получила в подарок от своей подруги (профессора Лодзинского университета Элизы Малек) книгу. Раскрыв ее, я поняла, что наши душевные разговоры откладываются до той минуты, пока не будет прочитана последняя страница. Это были мемуары Оли Ватовой “Все самое важное”.

Имя известного польского литератора Александра Вата, который занимался и переводами русской литературы на польский язык, было мне знакомо. Но о его жене я слышала раньше только то, что она была одной из красивейших женщин Польши. Оказалось, Оля Ватова обладала также незаурядным литературным даром.

Ее книга – не просто хорошо написанные воспоминания. Это настоящее житие польских евреев, принадлежавших к творческой элите страны. Кроме того, это возможность подробнее узнать о культурной и литературной жизни Польши первой половины XX века, встретиться с уже знакомыми нам именами – Тувим, Чижевский, Ивашкевич, познакомиться с именами новыми. И разумеется, очень интересно получить из первых рук сведения о визитах в Польшу Владимира Маяковского.

Известно, что в Польше увлечение коммунизмом быстро сменилось разочарованием. Искусственно возникшие идеалы рухнули, оставив в наследство тягу к фальши и лицемерию. Набирающий силу фашизм тоже не обошел эту страну стороной.

Оля Ватова, искренне любя Польшу, сумела создать вполне объективное представление о том, какой страна была в предвоенные годы. Ярый, необузданный антисемитизм. Попытки (иногда довольно успешные) физического истребления евреев. Унизительное и болезненное ощущение себя чужим среди своих. К сожалению, это чувство пришлось испытать многим евреям диаспоры... А потом – бег с препятствиями от немцев. Львов, куда вскоре пришли Советы. Начало царства НКВД. Доминанта времени – страх.

Наступила эпоха предательств и репрессий. Александр Ват был арестован. Олю с сыном сослали в Казахстан, где оказались тысячи поляков. Об этом факте официальная советская история скромно умалчивала.

Особая тема – взаимоотношения между людьми. Оказывается, общее несчастье не всегда объединяет. И среди тех, кто находился по другую, “благополучную” сторону баррикад, тоже не было единства. Одни советские писатели не чурались мародерства, а иные с риском для себя пытались спасать людей. Приведенные в книге факты разрушают хрестоматийные репутации некоторых “тружеников советского пера” и вызывают искреннее восхищение другими. Неожиданные вещи мы узнаем об Алексее Толстом, Ванде Василевской, Илье Эренбурге, Викторе Шкловском и других.

После войны супруги Ватовы вместе с сыном вернулись в Польшу. Но, когда страна превратилась в подобие СССР, вновь покинули ее. За рубежом их ждали новые встречи. Местом постоянного проживания семьи стала Франция. И думаю, очень интересными покажутся дополнительные штрихи к портретам таких знаменитых французов, как Поль Элюар или Веркор.

К сожалению, сейчас уже нет в живых ни Оли, ни Александра. Оля надолго пережила любимого мужа. Она ушла из жизни в феврале 1991 года в Париже.

Написанное ею – не только польское наследие. Ведь в ее книге частицы и русской, и еврейской истории.

Лиора Гиллон

Все самое важное

Все самое важное в моей жизни связано с Александром. До свадьбы мы с ним были знакомы несколько лет. Наша первая встреча произошла в театральной школе, куда я записалась втайне от родителей. Он появился в конце моего первого учебного года. Тогда состоялся бал, на который пригласили актеров, писателей и художников. Хорошо помню, что там были Евгения Уминская, Станислава Высоцкая, Александр Зелверович, Северина Бронишувна¹ (я еще не знала, что потом она станет моей свояченицей) и многие другие прекрасные актеры. Был Ивашкевич со своими друзьями-писателями. Пришли и футуристы – Анатолий Стерн², Александр Ват и еще кто-то. Даже сейчас, как подумаю, что могла бы не поступить в эту школу и наши пути никогда бы не пересеклись, – мороз по коже. Мне кажется, что моя жизнь без Александра Вата была бы ненастоящей и нестойкой, какой-то убогой. Меня не покидает ощущение, что наша встреча была предопределена. Мы не могли не встретиться. Я убеждена в неизбежности появления Александра в моей жизни. Думаю, и он чувствовал то же самое – что мы предназначены друг для друга. Правда, несмотря на экстравагантные футуристические взгляды, он потом оказался в какой-то степени человеком традиционных убеждений. Не хотел, чтобы жена стала актрисой, считал, что она целиком должна принадлежать ему и полностью находиться под его крылом. Очень ценил семью. “Что более возвышенное, совершенное, чем семья, сотворила природа? Муж, жена, дети...” – писал он. Но зачем приводить эти строки? Доказательством любви и счастья был каждый день, каждый миг, проведенный вместе. И в радости, и в горе.

В качестве свадебного подарка он преподнес мне свою книгу “Безработный Люцифер”, изданную в 1927 году. Свадьба... Мы оба с содроганием думали об этом обряде, о формальностях. Но делать было нечего. Не перечить же родителям, для которых свободный союз стал бы большой трагедией и признаком деградации общества. Еще раньше мой отец вообще не хотел впускать в дом Александра. Он мечтал, чтобы его дочь вышла замуж либо за врача, либо за адвоката, либо за инженера. И вдруг появился какой-то футурист, да вдобавок еще и без гроша в кармане. Борьба с родителями длилась четыре года. А потом они увидели, что выхода у них нет, и уступили. Но при условии, что свадьба должна состояться обязательно. И не абы какая.

Итак, 24 января 1927 года, после полудня, мы стояли под темно-красным балдахинном. Свадебный обряд проводил раввин в черной атласной одежде и в шляпе, отороченной соболиным мехом. Он словно сошел с полотен Рембрандта. Я была в белом блестящем платье и с диадемой на голове. Рядом стояли родные. Среди самых близких был и Юлиан Тувим, которому хотелось принять участие в свадебной церемонии. Это воздействовало на его поэтическое воображение. И он, и мы смотрели на происходящее глазами Шагала.

Моя младшая сестренка рассказала мне, что, когда она открыла дверь Тувиму, тот сообщил, что около десяти минут прождал за дверью, чтобы войти вовремя, потому что всегда следует быть пунктуальным.

Вечером началось настоящее пиршество. Стол установили в форме подковы. Был повар и официанты, которые подавали к столу.

Вспоминается мне Титус Чижевский³, которого случайно посадили под горячей кафельной печью. Титус бедствовал, и свадьба была для него хорошей возможностью вкусно

¹ Северина Бронишувна (1891–1982) – польская актриса, сестра Александра Вата. *Здесь и далее – прим. ред.*

² Анатолий Стерн (1899–1968) – польский поэт, писатель, критик и сценарист. Автор (вместе с Бруно Ясенски) манифеста польского футуризма.

³ Титус Чижевский (1880–1945) – польский художник, поэт, теоретик искусства.

и досыта поестъ. В то же время раскаленная печь при физическом недостатке Титуса (он был горбат) страшно мешала, и он все время жаловался на то, что ему приходится там сидеть. Сколько времени прошло с тех пор – десятки лет, – а я продолжаю переживать, что не уделила ему тогда достаточно внимания и не пересадила на более удобное место. Была молода, эгоистична и просто не думала ни об этом, ни о том, что спустя столько лет меня будут мучить эти воспоминания. А оказывается, такое бывает и с человеческой памятью, и с нашими ощущениями.

Тогда же кто-то наигрывал на мандолине фривольные песенки о молодой девице, а один из друзей (Важик⁴) заигрывал со мной, чтобы подразнить Александра... Увы, многих, кто пришел тогда разделить с нами нашу радость, уже нет в живых. Нет и замечательного Титуса, которому мы неосознанно причинили огорчение.

Еще я припоминаю, что на нашей свадьбе были также основатели издательского товарищества *ROJ*.

Чтобы покончить с этой темой, добавлю, что поскольку я вышла замуж за футуриста, а не за врача или адвоката, то отец все-таки наказал меня – лишил приданого. Сестры же приданое получили. Кроме одной, мужем которой тоже стал поэт – Ежи Камил Вайнтрауб⁵.

Мой отец не испытывал доверия к поэтам, хотя у него самого было необыкновенно развито воображение. Помню, что в детстве он рассказывал нам сказки собственного сочинения, и они всегда были необычными и очень красочными. Отец не раз говорил, что если бы у него было время, то он бы писал. Мне кажется, он принадлежал к тому типу людей, у которых всегда что-то происходит. Его необузданный темперамент часто заводил его на “ложный путь”, и я видела, как мама из-за этого переживает. Отец родился в Волковыске. Он рассказывал, что его мать собирала в лесу ягоды, когда вдруг почувствовала родовые схватки. Она не успела добраться до дома и родила в лесной сторожке. Ему было тринадцать, когда, не выдержав деспотизма отца, он убежал из дома. Без гроша в кармане он добрался до Варшавы, прячась под лавкой в вагоне поезда. Один, в незнакомом городе, он, тяжело работая, сумел прочно встать на ноги. Я благодарна ему за то, что, когда страна находилась под российским гнетом, он отдал своих детей учиться в польские школы, а не в российские гимназии. За то, что дома было пианино. За то, что приходила француженка учить нас французскому. В доме его родителей обо всем этом и речи быть не могло. Условия жизни там были суровые, а рука главы семейства – довольно тяжелой.

Однажды (это было давно) я побывала в семейном гнезде отца. В памяти остался деревянный, осевший почти до земли, довольно большой дом в окружении кустов крыжовника и малины, яблонь и груш. В будке рычал пес. Неподалеку – мрачный лес. Дедушкин дом пронизал нас каким-то страхом. Бабушка была полностью покорна мужу. Перед ним трепетали вообще все домочадцы. На стене висела плеть. Телесные наказания были обычным делом.

Когда мы с сестрами повзрослели, оказалось, что короткое время, проведенное в доме деда, навсегда врезалось в память, продолжая будоражить наше воображение. Мы, не произнося этого вслух, считали, что какая-то из наших прабабок со стороны отца согрешила когда-то с татаринном или с казаком. Об этом свидетельствовали фамильные черты – выступающие скулы, голубые глаза, короткие носы. А может, и тот устрашающий кнут, что висел на стене.

Дедушка со стороны моей матери был полной противоположностью родне отца. Потомственный варшавянин, он отличался необыкновенной мягкостью и добротой. От него мама унаследовала мягкий характер и являлась воплощением такта. Жизнь с моим отцом, человеком резким и деспотичным, была для нее не слишком легкой. Однако она сумела создать своим детям атмосферу спокойствия и душевного равновесия. Она всегда была

⁴ Адам Важик (1905–1982) – польский поэт и переводчик.

⁵ Ежи Камил Вайнтрауб (1916–1943) – польский поэт, публицист, переводчик.

нашей защитой и растила нас с большой любовью. А это было непросто, так как отец был настолько вспыльчивым, что мог свести на нет все ее усилия.

У мамы был единственный брат. Он закончил школу Ротванда и Вавелберга⁶. Начало революции застало его в России. Оттуда его как специалиста направили в Баку. Ему чудом удалось бежать. Я помню, каким он вернулся, – одичавшим от пережитого ужаса и голода.

После смерти бабушки наш варшавский дедушка, как мы его называли, поселился с нами. Поначалу он был тихим и задумчивым. Но вскоре начал действовать. До последней минуты своей жизни он продолжал работать, чтобы ни для кого не быть обузой. Знаю от мамы, что, когда я была маленькой, дедушка брал меня с собой на прогулки. Мы доезжали трамваем до Вислы и прохаживались по набережной. А зимой он купался в проруби.

Семье моего отца выпало счастье умереть естественной смертью. Мои же родители, младшая сестра, дяди и тети погибли в Трешлинке. Их вывезли с Умшлагплац. Стоял сентябрь 1942 года. Моей маме было тогда 57 лет.

* * *

В книге *Moim wieku* (“Мой век”) Александр рассказал о своей семье. В предисловии Милоша⁷ к этой книге тоже говорится о ней. С особой нежностью Александр вспоминает своего отца, который был открыт миру, книгам, знаниям. Он изучал священные книги и был выдающимся знатоком Каббалы.

Александр очень любил отца, восхищался его разнообразными дарованиями. Ведь он был прекрасным математиком и даже изобрел какую-то машину. После первых сердечных приступов его отец стал проводить много времени в пансионате под Варшавой, куда его устраивала сестра Александра, Северина Бронишувна, так как условия и возможности родителей были крайне скромными. Время от времени мы навещали его. Он сидел в саду в кресле, окруженный старыми евреями. Они, внимательно глядя на него, вслушивались в его комментарии священных книг.

Мать Александра была противоположностью своему мужу. Ученые дела ее абсолютно не интересовали. Она предпочитала извлекать пользу из жизни. Любила наряжаться, танцевать, петь, как только появлялась возможность. Отец и мать Александра явно отличались друг от друга по характеру, однако их связывала настоящая любовь. Детей было много. Один ребенок умер. Осталось семеро. И поразительно, что каждый был по-своему талантлив.

Перед войной нас с Александром всегда окружало очень много людей. Особенно в период создания “Литературного ежемесечника”, где Александр был главным редактором. И позднее, когда он работал редактором у Гебетнера и Вольфа⁸. В “Литературном ежемесечнике” я выполняла функции секретарши. Много печатала на машинке и даже научилась делать большие конверты, так как приходилось рассылать журналы. В то время мы с Александром свято верили в то, что делали.

В нашем любимом кафе за каждым столиком сидели друзья и знакомые, переходили то к одним, то к другим. Было весело, беседы искрились шутками. Художники, писатели, поэты... Несравненный в своем остроумии Слонимский... Потом компании отправлялись в ближайшее заведение полакомиться бигосом и выпить водки. Тут тоже вспыхивали разговоры и темпераментные дискуссии. Спорили всегда и везде. Летом в саду при этом кафе

⁶ *Szkola Wawelberga i Rotwanda* – техническая школа, основанная в Варшаве в 1895 году финансистами и филантропами Ипполитом Вавелбергом и Станиславом Ротвандом.

⁷ Книга “Мой век” вышла в 1977 году в Великобритании с предисловием Чеслава Милоша, в 1990 году была издана в Польше, в 2006 году на русском языке (в переводе Надежды Каменевой) отрывки из книги были опубликованы в журнале “Иностранная литература”.

⁸ Издательство *Gebethner i Wolff*, основанное в Польше в 1857 году.

сживал импозантный Стефан Жеромский. Между Шукой и Слонимским постоянно возникала словесная дуэль.

Еженедельные “Литературные вести” почти всегда становились сенсацией. Помню, как перед цветочным магазином мальчишки-газетчики выкрикивали названия статей. Иногда это были просто шокирующие заголовки.

По скромным четвергам в кабачке у Альбрехта съедалось огромное количество пончиков в надежде найти запеченные в них золотые монеты. Но и сами по себе эти пончики были необыкновенно вкусными, горячими. А кофе я любила смешивать с шоколадом. Приходила туда и жена Тувима – высокая, прекрасно сложенная женщина – со своей очень красивой подругой Иреной Габю (Пачковской).

Как остроумна была варшавская богема... А *Qui pro Quo* мы считали лучшим в мире кабаре. Сколько прекрасных певиц! Какой юмор! И тут нет ничего удивительного. Ведь для этого кабаре писали Слонимский, Тувим и многие другие талантливые литераторы, которых переполняли оригинальные замыслы и идеи.

Это было чудесное время! Время, когда мы были полны творческих сил и жили полноценной жизнью.

(Сегодня здесь, на парижской улице, в парижском кафе, необыкновенно уютно. Париж – один из самых замечательных городов мира, но... все-таки он чужой. И, как часто бывает, мысли все равно возвращаются в прошлое – в 1920-е годы.)

Позднее, в гебетнеровский период, к нам приходили многие писатели, книги которых издавал Александр. Во время одного из визитов Бруно Шульца случилось нечто, что показалось нам странным и необъяснимым. Наш маленький сын Анджей, немного посидев с нами, с интересом разглядывал гостя, потом пошел в ванную комнату и вскоре вернулся с довольно большим поленом. Подойдя ко мне, он сказал: “Мама, побей меня”. Мы были поражены, смущены, и вообще нам стало как-то не по себе. Оказалось, что это была реакция нашего сына на рисунки гостя. Нужно сказать, что в Варшаве все считали замечательного писателя Бруно Шульца мазохистом. Это был единственный случай такого поведения Анджея. Тем более непонятный, что никогда ни за какую провинность ни отец, ни я не тронули его пальцем. Что за магнетизм, что за странные флюиды действовали тогда на него? Может, телепатия? Или это был случайный детский каприз?

У нас постоянно велись разговоры об изданных книгах. Дом был открыт для всех. Александр всю жизнь был человеком востребованным. И все, что случалось в общественной или художественной жизни, проходило через наш дом и находило горячий отклик. Хочу сказать, что писателей так называемого левого толка и тех, кто не был склонен к “левизне”, особые баррикады не разделяли.

Однажды Александр за свои убеждения был арестован. “Литературный ежемесячник” закрыли. Когда муж вышел из тюрьмы, работы для него не оказалось. Этого можно было ожидать – тогда в Польше никто не хотел давать работу человеку (даже по-настоящему известному писателю), если на нем стояло клеймо еврея-коммуниста. Однако Александр все-таки получил работу. Его пригласил Ян Гебетнер на должность редактора литературного отдела. Разумеется, не обошлось без определенной протекции. Знакомство с Яном Гебетнером произошло с помощью Стефана Новицкого – близкого друга сестры Александра. Гебетнер быстро убедился в организаторских и редакторских способностях Александра и уже не отпускал его от себя, невзирая на “неприятельские атаки”. Он стал другом и защитником мужа. Александр прекрасно работал и, как говорил сам Ян, превратил издательство в одно из лучших. Там стали публиковаться самые значительные современные писатели.

Муж действительно был очень хорошим редактором, увлеченным работой. Например, Гебетнер еще до того, как принял его в штат, утратил права на издание Пруса, так как задолжал наследникам. Александр сумел вернуть ему эти права.

Но Александр Ват числился в полицейской картотеке в связи с “Литературным ежемесячником” и потому, что уже побывал в тюремном заключении. Сразу после закрытия журнала к нам наведывались с обыском. И даже один раз задержали мужа на 24 часа. Таким способом пытались повлиять на Гебетнера, чтобы тот уволил мужа из издательства. Однако Гебетнер не поддавался на шантаж. Все закончилось тем, что они с Александром пошли вместе выпить водки. Об этом рассказано в книге “Мой век”. И еще: муж писательницы Хермины Наглеровой⁹, занимавший не последний пост в полиции (он погиб во время советской оккупации), на шуточный вопрос Александра, когда же его наконец оставят в покое, усмехнувшись, ответил: “Когда я смогу выкрасть картотеку”. Этот их разговор состоялся, кажется, на улице во время случайной встречи.

В период, когда издавался “Ежемесячник”, советское посольство, размещавшееся тогда, как помнится, на улице Познаньской, начало нас приглашать. Разумеется, приглашали не только нас. Я видела там Тувима и довольно много других писателей и поэтов, причем не только левых взглядов. Приглашали на просмотры советских фильмов – на картины Эйзенштейна, например, и на другие тоже. После просмотра все шли закусить. Помню специальный стол, где в больших хрустальных вазах была икра – черная, красная и еще какие-то ее разновидности. И разумеется, шампанское. (Это все в то самое время, когда советские люди простаивали в очередях за куском хлеба.) Все собравшиеся тут же без тени смущения налетали на икру. В конце концов, многие только за этим и приходили. Послом тогда был Овсиенко, а одним из атташе – Аркадьев, милый человек, которого Маяковский называл “лебедем”. Помню корреспондента ТАСС Ковалевского и его изящную жену-балерину. Все работники советского посольства в Польше по возвращении в Москву были арестованы. Всех тем или иным способом ликвидировали. Хотя о политике на посольских приемах не говорили. Наоборот, старались, чтобы беседы касались только сферы культуры. Атмосфера там поддерживалась исключительно дружественная. Избегали даже обсуждения фильмов после просмотра.

Когда Маяковский впервые приехал в Варшаву, в его честь тоже был дан большой прием в советском посольстве. Не знаю почему, но меня посадили с ним рядом. Благодаря этому я смогла его хорошо разглядеть и услышать все, что он говорил. Александр сидел напротив. Естественно, во время банкета не велось никаких важных разговоров. Стол ломился. Много пили. Тогда, впервые в жизни, я выпила лишнего и даже не могла встать из-за стола. Маяковский заметил это и вместе со стулом отнес меня наверх.

В скором времени состоялся еще один прием, в Краковском предместье, в большом отдельном кабинете. Там я впервые услышала, как Маяковский читает свои стихи. Он поднялся, поставил ногу на стул и, зажав в руке соленый огурец, начал читать сначала “Левый марш”, а потом “Советский паспорт”. Впечатление было очень сильным. Этому способствовала и мощь его голоса, и присущее его манере скандирование стиха. Маяковский был очень крупным, интересным мужчиной, отлично сложенным. Но при этом во всей его огромной фигуре было что-то очень кроткое, обезоруживающее, что иногда выдавало его чересчур мягкий характер.

В следующий свой приезд он был каким-то померкшим. Я не знала, что его уже подтачивает борьба, которую ему было суждено проиграть. Тогда, задолго до войны, до моего шестилетнего пребывания в Казахстане, когда я еще не знала, что такое настоящий голод, мне привелось почувствовать это состояние, помогая Маяковскому делать покупки. Он покупал все в громадных количествах. Потом я узнала, что по возвращении в Москву, когда у него собрались друзья (это происходило на квартире у Бриков), Маяковский раздал все, абсолютно ничего не оставив себе.

⁹ Хермина Наглерова (1890–1957) – польская писательница и публицист.

Как известно, он был до болезненности чистоплотен. По словам Маяковского, его отец умер от заражения крови, поранив палец. Это воспоминание осталось в нем на всю жизнь. И страх. Он чересчур часто мыл руки. Помню, как у нас в доме он быстро оглядел себя в зеркале, всматриваясь в лицо, словно ища там признаки какой-то болезни. Вероятно, находясь под сильным впечатлением от смерти отца, он считал, что достаточно порезаться перочинным ножиком, чтобы умереть. (Между прочим, так погиб мой зять, поэт Ежи Камил Вайнтрауб, порезав лезвием безопасной бритвы верхнюю губу. В 1943 году еще не было антибиотиков.)

Но вернемся к Маяковскому. Я помню один из тех дней, когда мы с ним, предварительно договорившись, встретились в посольстве, чтобы отправиться за покупками. Я застала его тогда в каком-то необычайно возбужденном состоянии. Он был очень взволнован. Оказалось, он ждет разговора с Парижем. С нами тогда находился один из сотрудников посольства. Не помню ни имени его, ни должности. Помню только, что он был украинцем, очень интересным, необыкновенно чутким, и старался оказаться полезным Маяковскому.

Наконец зазвонил телефон. Разговор происходил в соседней комнате. Вернулся Маяковский оттуда совершенно изменившимся. Чувствовалось, что он получил удар, что произошло нечто необратимое. Он разговаривал с женщиной, которую тогда очень любил. Она была из Белоруссии, жила в Париже. Маяковский уговаривал ее оставить Париж, уехать с ним в Москву. И как раз именно тогда получил окончательный отказ.

Самоубийство Маяковского часто связывают с той его любовью. Но это вранье. Он просто не мог больше жить. Он разочаровался в революции. Как поэт он ощущал себя узником системы. Его атаковали со всех сторон, и он знал, что придется уступить, что эта машина в конце концов уничтожит его. Он отдавал себе отчет в том, что система уже начинает травить его. Он начал обращаться к близким друзьям. Например, к Шкловскому. Уже после самоубийства Маяковского, когда мы были в Алма-Ате, Шкловский рассказал нам о его последних минутах. У Маяковского была в то время интимная связь с одной актрисой, с которой он и провел свою последнюю ночь. Рано утром, когда она собралась уходить, он попросил ее немного задержаться. Но у актрисы была репетиция в театре, и она должна была уйти. Маяковский же знал, что, оставшись один, он совершит то, что задумал, – выстрел в сердце.

Думаю, что в значительной мере на его разочарование коммунистической идеей повлияли выезды за границу. В том числе и в Польшу. Я видела, как его захлестывало волнение, когда он приезжал. Он замечал, как люди свободно говорят то, что думают, на улице, в ресторане... Никто никого не боится, не подозревает... Видел, что в магазинах есть все и нет очередей. Как-то мы сидели в небольшом кафе на одной из варшавских улиц, и он мрачно пошутил, что, когда к нам придет революция, эти уютные улочки сразу же переименуют.

Мы все находились под обаянием Маяковского и в его последний приезд в Варшаву заметили, как он изменился, каким стал подавленным. Мне рассказали, что по вечерам он играл в бильярде в посольстве, неохотно встречался с людьми, выпивал. Наверное, уже тогда он понимал, что терпит поражение в этой жизни. Он фактически уже умирал на наших глазах. Эльза Триоле сообщила всем, что Маяковский покончил с собой из-за несчастной любви. Но это была очередная ложь ее и Арагона. Я уверена, что Маяковский решил уйти из советской жизни. Его душила петля, которую затягивали на его шее. Возможно, отказ любимой приехать в Москву и был последней каплей, но не это стало главной причиной трагедии. Тогда врал не только Эльза Триоле. В Москве многие прибегли к вранью, чтобы объяснить причину и способ его ухода.

В то время еще выходил «Ежемесячник». В шестом номере (май 1930 года) Александр поместил большой материал о Маяковском. Под фотографией на смертном ложе стояли слова: «Владимир Маяковский умер в Москве 14 апреля». В статье Александр не упоминал

о самоубийстве. Я не сомневаюсь, что именно с тех пор начала спадать пелена с глаз мужа, и окончательно она исчезла, когда начались московские процессы.

Если говорить о репрессиях из-за коммунистической деятельности, то можно вспомнить арест Александра в связи с “Литературным ежемесячником”. Случившееся тогда пробуждает тяжкие воспоминания. Это было очень трудное для меня время. Я только родила Анджея. Началось послеродовое заражение крови. Антибиотиков еще не существовало, и это было равносильно смертному приговору. Однако после шести недель высоченной температуры я осталась жива – к немалому удивлению врачей, предсказывавших летальный исход. Ослабленная, едва держась на ногах, я поехала не домой, а к родителям, там меня выхаживала мама.

В скором времени в “Ежемесячник” нагрянула проверка. Из редакции изъяли всю корреспонденцию. Начались аресты. Александр рассказал об этом в своей книге.

Когда мужа забрали, начались мои походы к адвокатам, свидания с Александром в суде, а также хождения на Жемянскую, где собирались Тувим, Слонимский, Вержинский, которые старались помочь, употребив свое влияние. Я обращалась к адвокатам Эмилю Брейтеру и Густаву Бейлину. Бейлин, элегантный мужчина, женатый в то время на актрисе Оле Лещинской, пытался отвлечь меня от мрачных мыслей, в шутку спросив: “А что бы пани предпочла – чтобы муж сидел в тюрьме или чтобы он изменил ей?” “Пусть сидит”, – без колебаний сказала я. Этот ответ его очень позабавил, и потом он не преминул рассказать о нем моему мужу. В то же время я встречалась и со Стефанией Семполовской¹⁰, которая принимала большое участие в судьбе Александра.

Еще одна маленькая подробность. Однажды, когда мне было нужно ехать на свидание с мужем, я взяла извозчика. Но из-за слабости никак не могла взобраться на подножку. Случайно проходивший мимо Важик (о котором речь впереди) подошел и помог мне сесть.

Заключение Александра продолжалось три месяца. С Даниловичевской его перевели на Мокотув. И уже там я встретила его в день освобождения.

Теперь я вспоминаю польскую тюрьму как настоящую идиллию. Свидания, передачи... Мы с мужем договаривались, что в определенные часы я буду прохаживаться возле тюрьмы и он сможет увидеть меня через решетчатое окно. Не то что в советской тюрьме во Львове. Советская тюрьма – это пропасть, которая разверзается перед заключенным и поглощает его.

Сразу по возвращении домой муж получил скорбную весть – умерла его любимая сестра Ева, с которой он был очень близок. Она всегда помогала ему, особенно в период его футуристических исканий. Это была необыкновенно темпераментная личность, исполненная немислимых фантазий. Так, не имея ни малейшего представления о портновском деле, она создала мастерскую и одевала весь польский театр. И это были действительно оригинальные и очень красивые туалеты. В Париже она, наверное, могла бы сделать хорошую карьеру...

* * *

После освобождения мужа к нам вновь стали приходиться с обысками. Особенно перед 1 мая. Однако я вспоминаю об этом уже не как о чем-то жутком. Да, книжки швыряли на пол, потрошили ящики и т. п. Но в то же время люди, пришедшие с обыском, иногда с неподдельным интересом начинали читать некоторые из этих книг и даже запоминали, о чем там идет речь. Таких я приглашала посидеть, выпить чаю. Разумеется, приходили и другие, которым книги были безразличны, и они просто выбрасывали их.

¹⁰ Стефания Семполовская (1869–1944) – уполномоченная польского Красного Креста.